

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 78 (4044)

Вторник, 23 июня 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Великая сила примера

ЧЕЛОВЕКУ, страшно искалеченному войной, случайно попадает книга о летчике, воюющем без ног. И книга словно дарит человеку вторую жизнь — возвращает уверенность и силу, радость труда. Он становится знаменитым на всю округу комбайнером, его награждают орденом. Жаль, что награды не положены героям книг — даже когда они спасают людей и совершают подвиги наравне с героями действительности.

Жизнь дает сюжеты книге. Но известен волнующий сюжет, который книга дала жизни. Это рассказ о необычной эстафете — от сердца к сердцу: о том, как герои «Овода» учили отаге Павлу Корчагина, как роман о Павле Корчагине воодушевлял молодого воеводу, как «Молодая гвардия» увлекла юных и смелых на подвиги. А где-то пишется сейчас та книга, что будет достойна подвига целителей, и, может быть, именно ее возьмут с собой в ракету первые астронавты.

Двадцать лет назад А. С. Макаренко сетовал на то, что у нас нет серьезных исследований о воспитательном влиянии литературы. К сожалению, долг этот во многом не погашен литературоведами и ныне. И пусть такой летописи пока еще не существует, но ее можно представить себе — собранные воедино факты, когда герои художественного произведения научили бронепоезда разить грозные вражеские танки, повели пионеров замечательной тимуровской тропой, натолкнули колхозников на мысль о строительстве гидроэлектростанции, вдохновили юного, решающего «сделать бы жизнь с кого»... День от дня советская книга помогает миллионам людей увереннее работать, счастливее жить, крепче любить.

Отнюдь не всегда она, эта книга, посвящена выдающимся героям, и читатель меньше всего ждет от нее каких-либо наставлений или подказок. Служит в радость мы читаем, как дышим, — не задумываясь о том, что вместе с воздухом получаем жгучий кислород. И это хорошо, это лишний раз подтверждает: книга нам нужна для жизни! Настоящая книга — та, что по-человечески добро и бескорыстно, зачастую исповедь, помогает читателю стать богаче, лучше, щедрее душой.

Советская литература могуча и прекрасна прежде всего силой своего положительного примера. Многие и разнообразные средства даны ей для решения главной задачи — воспитания цельной коммунистической личности. Едва ли нужно кому-то доказывать, как, скажем, надежно воспитывает (и перевоспитывает) сатира, каково полное и яркое изображение требуют отрицательные явления, мешающие нам в пути. Но среди всего ценного, что несет в себе художественное произведение, его положительный пример — наивысший.

Да и может ли быть иначе у народа, путь которого в коммунизм — одно вдохновенное стремление вперед, к лучшему и лучше! Это первые коммунистические субботники, это ударничество и встречные профпризывы, это многостаночничество и коллективы отличного качества, это бригады коммунистического труда... И всегда — почин, всегда — пример, всегда — равнение на правополитов! Как глубоко ощущаем мы сегодня, у истоков семилетки, пророческие слова В. И. Ленина о том, что «сила примера» получит в новом, социалистическом обществе исключительное, «громкое значение»...

ПРОБЛЕМЫ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В Академии наук Казахской ССР состоялась научно-теоретическая конференция по основным проблемам казахской литературы. В ее работе приняли участие писатели, литературоведы и ученые республик — литературы Москвы, Таджикистана, Иргизии, Туркмении. Участники конференции обсудили задачи казахского советского литературоведения в свете решений XXI съезда КПСС. Заслушаны также доклады о традициях и новаторстве поэзии, о путях развития поэзии, единстве национальной формы и социалистического содержания в казахской советской литературе. Конференция приняла рекомендации по дальнейшему изучению основных проблем казахской литературы.

С ПИСАТЕЛЬСКИХ СОБРАНИЙ

Беззаветно служить народу

НА ГЛАВНУЮ ТЕМУ

ВЫСОКОЕ призвание советских писателей — правдиво и ярко раскрывать красоту трудовых подвигов народа, грандиозность и величие борьбы за коммунизм, выступать страстными пропагандистами семилетнего плана, вселять бодрость и энергию в сердца советских людей, искоренять пережитки капитализма в сознании людей, помогать устранению всего того, что еще мешает нашему движению вперед.

Эта мысль из приветствия Центрального Комитета нашей партии Третьему съезду писателей СССР была в центре внимания открытого партийного собрания в Союзе писателей Латвии.

И в докладе А. Григуляса, и в выступлениях делегатов съезда отмечался высокий идейно-теоретический уровень, на котором проходил съезд, то значение, которое он имеет для развития всех литератур народов Советского Союза. Заботой о литературе было проинтересовано замечательное выступление Н. С. Хрущева «Служение народу» — высокого призвания советских писателей.

Интересные мысли о воспитании литературной молодежи, о главных героях произведений высказали Ю. Вагн, З. Скуинь, М. Бирзе. С вопросом о мастерстве связанна проблема отношения писателя к жизни, — сказал В. Берце. — Успех

Высокий идеал, что несет людям литература, рожден советской жизнью. Новое, положительное, зовущее на подвиг составляет основу, существо нашей действительности.

Советским людям равно чужды и очернительство, критиканство, описывающее нашу жизнь «черного хода», и сусальные олеографии с их слащавостью и фальшью. Но мы никому не позволим навязывать ярлык «лакировка» на те произведения, в которых правдиво, с полной художественной силой звучит утверждение нового, коммунистического, во всем величии раскрывающего наш коммунистический идеал. Покорителям целины, смелые победители гигантских рек, дерзновенные разведчики космоса — это наше сегодня, правда и красота каждодневной борьбы строителей коммунизма.

Один из знаменательных итогов Третьего съезда писателей СССР в том, что на нем положен конец кривотолкам вокруг проблемы положительного начала в нашем искусстве. Советская литература — литература утверждения коммунизма. На этом стояло и прочно стоит искусство социалистического реализма.

Отставшая передовые идеалы, наша литература воинственно непримирима к старому, антиобщественному, косному, отжившему. Беспощадно война со всем отрицательным, наша литература ведет бой с позиций жизнеутверждения, с позиций коммунизма. Вслушавшись в читательские споры. Люди много ждут, требуют от Глеба Чукалова и Алексея Воронцова, от Василия Теркина и Семена Давыдова, требуют, но вместе с тем танцуют с ним душой, прилежно по ним свои мысли и дела. Вспомним выступления на Третьем съезде писателей. А. Твардовский, К. Федин, О. Гончар, П. Бровка и другие — все они говорили о том, что самое важное сейчас — делом откликнуться на требования читателя о книге, нужной для жизни.

Вот почему так выражены самых сердечных своих чаяний встретили литераторы приветствие съезду от Центрального Комитета партии, подчеркнувшего, что перед писателями стоит почетная задача активно участвовать в формировании духовного облика человека будущего, строителя новой жизни, что писатели призваны воодушевлять людей на борьбу за коммунизм, воспитывать их в духе коммунистической идейности, прививать им высокие нравственные качества, нетерпимость к буржуазной идеологии и морали.

«Особенно ответственна роль литературы в воспитании молодого поколения. Молодежи нужны увлекательные книги, воспитывающие ее в духе коммунистической идейности, беззаветной преданности социалистической Родине, стойкости, упорства в достижении цели, раскрывающие романтику труда рабочих, колхозников, интеллигенции, пробуждающие любовь к творчеству и винитацию. Молодой читатель ждет таких книг, которые стали бы надежным другом его юности, наставником и советчиком».

Снова и снова наши думы обращаются к методам писателя, только входящим в литературу. Хотелось, чтобы они хорошо поняли непреложное: тот, кто сегодня выбирает для себя путь правдивого изображения современности, путь утверждения положительного, героического, рожденного современностью, уже одним этим шагом предопределяет в какой-то мере дальнейшее развитие своего дарования. Ничто другое не способно так остро отточить перо, так активно вывить творческую индивидуальность: здесь новым погон каждый день, и ты — его первооткрыватель, здесь все впервые выковывается тобой и выковывает тебя самого.

Именно на пути правдивого изображения жизни советского народа и будет расти великое искусство коммунизма — искусство больших мыслей, горячих чувств и высоких страстей, искусство, способное вдохновлять миллионы и миллионы строителей коммунизма на новые большие дела.

Наказом партии и народа прозвучали для советских литераторов слова Н. С. Хрущева, сказанные с трибуны писательского съезда:

«Разве не является хорошим и нужным такое произведение, в котором автор правдиво показывает положительных героев? Такие авторы не все одобряют в своих положительных героях, они видят людей такими, какими они бывают в жизни — в борьбе и труде за утверждение нового. И это является закономерным и правильным. Надо воспитывать людей на хороших примерах, показом положительного в жизни прокладывать пути в будущее».

Сила примера — это великая сила, товарищи!».

ЗАТРА открывается Пленум ЦК КПСС. Пленум обсудит, как выполняются решения XXI съезда партии о внедрении комплексной механизации в промышленности и строительстве, автоматизации производства и о развитии химической промышленности.

Заботой о советском человеке проникнута программа работы Пленума. Комплексная механизация и автоматизация несут с собой в социалистическом обществе изобилие, облегчают труд и, способствуя ликвидации различий между умственным и физическим трудом, поднимают наш рабочий класс на новую, высшую ступень духовной культуры.

СЛЕДИТЬ день за днем за движением науки стало ныне всеобщей и насущной потребностью. Инженеры уже поняли: чтобы оставаться на высоте, нельзя замыкаться в одной отрасли знания. Откуда в химию проник ультразвук? Откуда в прокатку пришли изотопы?

Условные перегородки между науками рвутся на наших глазах. Академик Н. Н. Семенов как-то отлучно сказал, что явления природы, как правило, комплексные, «ничего не знают о том, как мы поделили наши знания на науки». Наука единая, и она обслуживает сейчас технику всем своим широчайшим фронтом. Изобретения «приходят» из самых неожиданных областей.

Потребность больше знать о работе ученых подкрепляется и тем, что самый способ научного мышления все в большей мере становится повседневным оружием практики.

В должной ли мере мы эту потребность «знать» о жизни науки удовлетворяем?

Увы, научная тема нетерпимо медленно и скупо входит в литературный обиход, проникает в журналы. Ну, хорошо, скажет иной литератор. Мы готовы принять науку как наше общее достояние, как новые источники нефти, якутские алмазы, как непрерывно множась народное добро — источник благосостояния, как надежду на его быстрое возрастание. Но мы знаем и другое: чудовищно сложен и малодоступен тот арсенал силовых полей, загадочно колеблющихся стрелок и мерцающих циферблатов, который словно из фантастических романов перекочевал в самую что ни на есть реальную лабораторию сегодняшнего дня. С его помощью ученые раскрывают антимиры, вслушиваются в голоса вновь рожденных звезд, в строение гигантских полимерных молекул дезоксирибонуклеиновой кислоты — такое не сразу и выговоришь! — вычитывают великую тайну наследственности и загоняют пышущие миллионградусным жаром «звездное вещество» в бесплотные по видимости стенки термодеревянных батарей. Что здесь делать непосвященному?

А вот что: из непосвященного стать посвященным. Затратить некую долю усилий войти в мир ученого, его замыслов, мечтаний, частых невзгод и нелегких свершений. Войти не праздным эскурантом, а понимающим, заинтересованным соучастником трудных и важных дел.

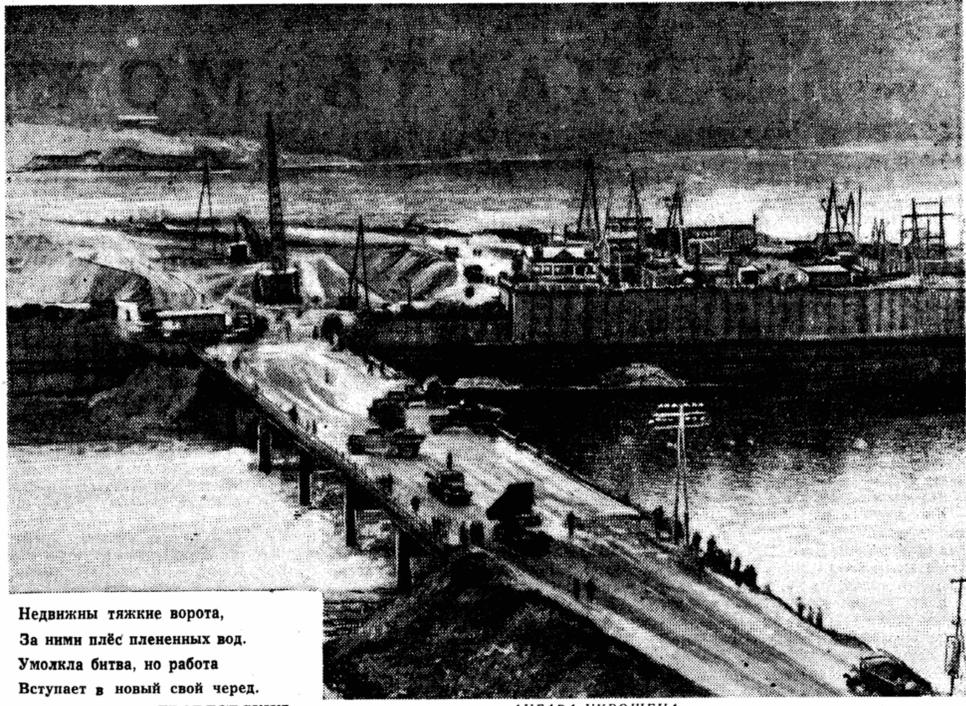
Никиты Сергеевича Хрущева, — сказал Константин Симонов, — было желание работать, работать страстно и плодотворно. К. Симонов отметил, что разговор о мастерстве необходимо вести постоянно, но не отвлеченно, а на конкретном материале. Своими мыслями о поисках новых, более плодотворных форм связи с жизнью народа-творца поделились писатели А. Мухтар и Н. Сафаров. О создании книг, достойных замечательных героев семилетки, о необходимости более тесного общения с литераторами братских народов говорили в своих выступлениях И. Султанов, Х. Гулям и другие.

ТАШКЕНТ. (Наш корр.)

ШИРОКО ОТОБРАЖАТЬ СОВРЕМЕННОСТЬ

СОСТОЯЛОСЬ собрание Хабаровского отделения Союза писателей, посвященное итогам III Всесоюзного съезда писателей СССР. С докладом выступил делегат съезда Николай Рогов. В. Александровский, М. Бетов, Р. Казакова, П. Халов и другие говорили о возрастающих задачах хабаровской писательской организации в борьбе дальневосточников за успешное выполнение семилетки, о необходимости более активного вмешательства литераторов в жизнь.

ТАШКЕНТ. (Наш корр.)

Недвижны тяжкие ворота,
За ними плёс плененных вод.
Умокла битва, но работа
Вступает в новый свой черед.

А. ТВАРДОВСКИЙ

АНГАРА УКРОЩЕНА

Фото А. Горьчеша.

НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КПСС

ИДЕИ В ПОЛЕТЕ

Олег ПИСАРЖЕВСКИЙ

Очень многое!

Важно внедрить в сознание отнюдь не только узких специалистов (а может быть, и для них это будет полезно, ибо расширит народнохозяйственный кругозор!) непреходящее значение идеи, смысл которой в яркой, публицистически избранной форме некогда раскрыл академик А. Е. Ферсман. Он призвал «создавать полезные ископаемые». Как же так? Возможно ли это? Возражая ему, один «заскорузлый геолог», названный так в запальчивости спора, не без яда заметил, что если бы наш первобытный предок на заре человечества сумел составить описи подземных богатств, вряд ли бы мы смогли к этому что-либо добавить... Этот геолог неправ!

Уральские колчеданы с их низким содержанием меди были просто ископаемыми, пока внедренный в Кыштымский метод притирки плавки не превратил их в ископаемые полезные.

Нефелины были обычным отходом, фотодатонным «хвостом», досадной помехой обогащения их слугища — алягата. Но творческий подвиг волгодвцев, сумевших одновременно добыть из них алюминий, поташ и цемент, превратил голые отбросы в бесценный клад. И вот уже по их следам идет новая нефелиновая индустрия Красноярского края.

На наших глазах нефть, которая испокон веков считалась «горючим ископаемым», работами школы академика Н. Д. Зелинского и новейших направлений нефтехимического синтеза превращается в «полезное ископаемое» широчайшего диапазона свойств. Из него-то мы будем черпать всю гамму исходных веществ для конструирования нового мира полимерных материалов.

Развивая эту парадоксальную и плодотворную идею «создания полезных ископаемых», наша публицистика должна бороться за комплексное использование сырья, наиболее полно отвечающее социалистическому способу производства.

А коль скоро мы в должной мере вооружены вниманием не скрыться уже нерадивому хозяйственнику, гробящему миллиарды в отвал. Укоренившись в сознании верных путей достижения народного блага, общественный контроль заставит быстрее упрячь в погонителю ядовитые дымы и очистить губительные для всего живого сточные воды. А отобранные от них кислоты и металлы сторицей окупят затраты на их благодетельную «добычу».

Ждет своего горячего, заинтересованного воплощения в очерках и, может быть, даже в книгах история рождения новой науки, в разработках которой слетаются и находят свое разрешение интересы химиков, создающих новые вещества «на заказ», и самих «казакинов» — технологов, машиностроителей, текстильщиков, обувщиков, в чьих руках новые полимерные материалы становятся средством осуществления полниного переворота во всей материальной основе технического прогресса. Академик П. А. Ребиндер предложил для новой ограниченной области науки название «физико-химическая механика». Кто его может узаконить? Разумеется, только жизнь.

Но мы можем ускорить процесс становления новой науки, если будем бороться за укрепление ее союза с практикой, если сумеем помочь вовлечь в разработку новых — до крайности важных! — новых возражений на природу материала и на способы его обработки огромные, еще не опущившие и не проявившие своей подлинной мощи молодые научные силы, рассеянные по тысячам заводских лабораторий.

Открывающийся завтра Пленум Центрального Комитета подведет итоги борьбы за новую технику, за быстрое внедрение научных достижений в промышленность и, как всегда, наметит широкий путь дальнейших исканий во всех областях науки и производства, знаний, в практики. Первый помощник партии — писатель — должен занять свой почетный пост. Будить вдохновенье. Препятствуй веру в свои силы. Воспитывать мысль.

Как не вспомнить замечательное пророчество: идеи становятся материальной силой, овладевая массами. Это в полной мере относится и к прогрессивным идеям науки. Участвовать в ускорении процесса их массового распространения на огневых рубежах семилетки, послужить их катализаторами, живыми ферментами — это счастье и право советских литераторов, и они обязаны его реализовать.

Важно внедрить в сознание отнюдь не только узких специалистов (а может быть, и для них это будет полезно, ибо расширит народнохозяйственный кругозор!) непреходящее значение идеи, смысл которой в яркой, публицистически избранной форме некогда раскрыл академик А. Е. Ферсман. Он призвал «создавать полезные ископаемые». Как же так? Возможно ли это? Возражая ему, один «заскорузлый геолог», названный так в запальчивости спора, не без яда заметил, что если бы наш первобытный предок на заре человечества сумел составить описи подземных богатств, вряд ли бы мы смогли к этому что-либо добавить... Этот геолог неправ!

Уральские колчеданы с их низким содержанием меди были просто ископаемыми, пока внедренный в Кыштымский метод притирки плавки не превратил их в ископаемые полезные.

Стихотворения Анны Ахматовой

Анна Ахматова - Стихотворения. Государственное издательство художественной литературы

«...Невозможно жить без солнца телу и душе без песни» — эти слова принадлежат

Анна Ахматовой, книга которой вышла в свет в Гослитиздате. Первые произведения Анны Ахматовой по размеру книги этой помечены 1909 годом. Стало быть, перед нами полувековой творческой путь.

Читатель помнит давние книги Анны Ахматовой — «Вечер», «Четки», «Белая стая». Отличающиеся изысканностью и лаконизмом, они оставили читателя в замкнутом мире чувствования, излюбленного бардами декаданта. Далеком от революционных бурь эпохи. Ручей ее поэзии долгие годы не мог найти пути к реке народной жизни. Но не правы те, кто думает, что на этих первых книгах творчество поэтессы остановилось.

Работа Анны Ахматовой никогда не прекращалась. Об этом говорит рецензируемая книга.

Среди многих других у Анны Ахматовой есть образы, которые встречаются особенно часто: ива и аллея. Ива, давшая название целой книге стихов, является из русской сказки и песни («Ива, дерево русалок»). Аллея — продолженный человеком путь сквозь природу — аллея Парососельского, Пушкинского, широколиственного сада. Она пролегала через все стихи поэтессы — от ранних до современных. Но взгляды: как изменились ее трактовка образов, как наполнились они новым содержанием! Как пейзажная зарисовка ушла на второй план, выдвинув на первый образное раскрытие темы России, ее «минут роковых», бытия природы и человека.

В четырех — восьми — двенадцати строках Анна Ахматова умеет сказать многое. Это разговор, при начале и конце которого мы, читатели, как бы не присутствуем. Мы слышим самую напряженную, самую существенную часть разговора и без дополнительных слов догадываемся о ее сути и смысле, о ее начале и конце. Это драматический отрывок без экспозиции и эпилога — образно-композиционный прием, как бы отосланный поэмой и прозой. Разработанный в лирических миниатюрах Анны Ахматовой, он поздней появился не только у наших лириков, но и у новеллистов.

Сказать о том, что одни образы у Анны Ахматовой встречаются чаще, чем другие, значит почти ничего не сказать. Надо увидеть, как меняются они с годами. Вот ива 1944 года.

А вы, мои друзья последнего призыва! Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранила, Над вашей памятью не гнуть плачущей ивой, А крикнуть на весь мир все ваши имена!

Характерное обращение поэтессы не к одному человеку, как было встарь, а к «друзьям последнего призыва». Мы узнаем знакомый лирический почерк, знакомую ахматовскую интонацию, и все же в стихах поэтессы последнего времени появились отсутствовавшие прежде качества.

О старых книгах Анны Ахматовой писалось много. О новых стихах следует здесь сказать особо.

Отечественная война, блокада Ленинграда, Средняя Азия, борьба за мир — все это властно вошло в стихи Анны Ахматовой. У меня нет желания приписывать теме, как таковой, магические свойства. Легкомысленно утверждать, будто, прикоснувшись к новой теме, можно сразу же преобразиться. Нет, без душевного перевооружения, без длительной работы мысли и чувства, без много-

численных опытов, удачных и неудачных, находок и провалов — перехода в новое качество не бывает. Поэтесса долго вела свой лирический монолог. Если он порой и переходил в диалог, то главным образом в любовной лирике. В стихах последних полутора десятилетий в скупых, но выразительных строках поэтессы слышится прежде всего диалог. Это разговор с современником. И — еще. Время присутствует уже не только как дата под стихами. Оно входит в заголовки, в суть и плоть образов самой жизни. Если это послевоенная пора, то с недвусмысленной точностью: «Прошло пять лет, — и залечила раны, жестокой нанесенные войной, страна моя, и русские поляны опять полны студеной тишиной». Дело не в цифрах, не в календаре, не в дате, а в мете времени, в глубинной ее передаче, присущей нынешним стихам Анны Ахматовой.

Когда читаешь книгу Анны Ахматовой (а в настоящее издание впервые собран этот верный принцип), то видишь, что это лирика преодоления одиночества, исповедь дочери века, появившаяся в путь одиночества и изоляции встает художника к тяжелой драме. С берега залива, где Дерматов наблюдал «парус одинокий» и где ныне расположен приморский парк Победы, любует поэтесса десятками «белокрылых, легких яхт», которые «на воле летят». Этот образ-воспоминание, с моей точки зрения, имеет силу символа. Да и сама Анна Ахматова подчеркивает глубинный смысл сопоставления: «Еще недавно плоская коса, черневая уныло в неской дельте, как при Петре, — была покрыта мхом и ледяною пеною омыта.

Здесь в прошлом скучали «две-три плачущие ивы» и рыбацкая ладья «в песне прибережном грустно догнала». А после войны — и тут голос автора восходит к высоким нотам —

...ранним утром вышли ленинградцы бесчисленными толпами на взоры. И каждый посылал по дереву на той косе, и топкой и пустынной, на память о великом Дне Победы.

И вот сегодня — это светлый сад, привольный, ясный, под огромным небом...

Анна Ахматова не отказалась ни от своей поэтики, ни от своей интонации. Знакомые образы по-новому убедительны в ее стихах. Они чудесно преобразились и обновились. Во время как эпиграфы превращают крайности литературных школ в догматы и заставляют в них, творцы оставляют прошлое и следуют своим путем дальше. Анна Ахматова принадлежит к числу творцов русской поэзии. Можно говорить о сложности и напряженности ее большого творческого пути. Но не замечать того, что это путь, — нельзя. По мере своих сил поэтесса стремилась найти путь к новому читателю. Это путь к современности, а не прочь от нее.

Помимо оригинальных стихов поэтессы, в книге помещены ее переводы из китайских, корейских, французских, осетинских, еврейских, румынских и бенгальских поэтов. Эта талантливый и благородный работа Анны Ахматовой в какой-то степени оценена и служит делу сближения народов и культур.

Наль, что многие интересные и выдающиеся испытание временем стихи Анны Ахматовой не вошли в эту книгу. Но хорошо все же, что она издана. Читатель будет надеяться на новую встречу со стихами поэтессы.

Лев ОЗЕРОВ

Жизнь хорошего человека

Открывая книгу воспоминаний, испытываешь невольный страх: не «расширопел» ли в них писатель. Писать о Горбатове и легко, и трудно. Легко потому, что он был свидетелем больших событий, встречался с многотрудными интересными людьми. Но и трудно писать: Горбатов был очень требовательным к себе человеком. Он не любил ничего показного, целомудренно относился к своему творчеству. А о сдержанном человеке писать всегда трудно, — нужно копаться глубже.

С горечью приходится признать, что не все авторы сумели выполнить просьбу Горбатова, высказанную в свое время А. Ионову, когда тот начал работать над критико-биографическим очерком: «Прошу только написать скромнее, спокойнее». Слово «скромнее» выделил Горбатов. После коротких, согласных воспоминаний поляриков режут слух выспренные фразы Е. Долматовского: «Влюбленность Горбатова в Донбасс была чудесной, святой и плодотворной» или «Его товарищи, конные разведчики, с подобоостраем смотрели на него». Подобный «заупокойный лоз», который еще должен пойти в переплетку, прежде чем он станет брошюрой, можно встретить и у Д. Аккулинина, и у А. Викентеева, и у А. Исбаха.

Но, за вычетом этих мелочей, книга удачна. Потому что она вполне определенно отвечает на те неудобные вопросы, которыми мы начали рецензию. Нам нужны подобные книги воспоминаний о Фадееве, Пявлюко, Гайдаре, Крылове, Алексее Толстом. Написанные с должной серьезностью, они помогут многим людям в решении вопроса «делать жизнь в го».

А. БОЧАРОВ

Первое академическое...

Институт литературы имени М. Абганя Академии наук Армянской ССР подготовил научное четырехтомное издание сочинений Анопа Анопяна. В первый и второй тома включены поэтические произведения, в третий и четвертый — проза и публицистика. Впервые публикуются поэмы «Последний Октябрь» и «Степной ашуг», письма, статьи, речи, дневниковые записи, воспоминания. В издание включены первые переводы на армянский язык «Интернационала», «Варшавянки» и других революционных песен.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 78 23 июня 1959 г. 3

Книжный рейд

В воскресенье около полудня от площади перед зданием Смольного двинулась по Ленинградскому улице и проспектам большая колонна нагруженных книгами автомашин — началось агитационный книжный рейд, посвященный предстоящему пленуму ЦК КПСС и Дню советской молодежи. В рейде приняли участие представители «Светланы», «Электричества», «Металлургии», Балтийского, Кировского, Адмиралтейского заводов и других предприятий.

Рейд прошел успешно. Комсомольцы одного только Октябрьского района в этот день продали более трех тысяч книг и брошюр.

Книжный рейд был организован Ленинградским обкомом комсомола совместно с Книготоргом.

ЛЕНИНГРАД (Наш корресп.)

Поэзия Африки

В Доме дружбы с народами зарубежных стран впервые в нашей стране был проведен большой вечер африканской поэзии. Его организовала Советская ассоциация дружбы с народами Африки. Во вступительном слове председатель ассоциации И. Потехин охарактеризовал задачи этой организации, направленные на развитие и укрепление дружбы с народами африканских стран.

О своей работе над переводами стихов поэтов Африки рассказал С. Кирсанов. Затем выступили африканские студенты, обучающиеся в московских вузах, советские студенты, изучающие языки народов Африки, и русские поэты-переводчики. Артист В. Сомов поздравил собравшихся со своим монтажом «Стихи поэтов Африки».

На вечере присутствовал посол Эфиопии в Советском Союзе г-н Г. Тессема.

Памяти румынского поэта

Правление Общества советско-румынской дружбы провело вечер, посвященный 70-летию со дня смерти великого румынского поэта Михаила Эминеску.

Ведущий в вступительном слове отметила, что Михаил Эминеску, оставший после себя богатейшее поэтическое наследие, оказал глубокое воздействие на последующее развитие румынской культуры XX века.

На вечере, состоявшемся в Доме дружбы с народами зарубежных стран, поэты выступили с переводами стихов Эминеску, выступила артистка РСФСР Галина Варинава исполнила произведения румынских композиторов.

ВЫШЛИ В СВЕТ...

- Книги по искусству
Габриэля И. Книга сценариев. Вступительная статья И. Соловьевой. «Искусство», 423 стр. 10 000 экз. 13 руб. 90 коп.
Горчаков Н. Театр — великая школа. «Молодая гвардия», 136 стр. 8 000 экз. 2 руб.
Иванов И. Иллюстрации к драматургии. Сборник статей. Издательство «Советская Россия», 192 стр. 7 200 экз. 6 руб.
Искусство миллионов. Советское кино. 1917—1957. Вступительная статья Д. Писаревского. Краткая история режиссуры Р. Юренева. «Искусство», 624 стр. 20 000 экз. 58 руб. 80 коп.
Лабедев А. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество. 1824—1904. «Искусство», 427 стр. 8 000 экз. 41 руб.
Лычварский А. В мире музыки. Статьи и рецензии. Составление, редакция и примечания Г. Бернандта и И. Саца. Предисловие И. Саца. «Советский композитор», 549 стр. 8 000 экз. 19 руб. 45 коп.
Роскин А. Статьи о литературе и театре. Антоша Чехонте. Составление, подготовка текста и примечания Н. Роскиной. Предисловие В. Смирновой и И. Халтурина. «Советский писатель», 428 стр. 10 000 экз. 9 руб. 70 коп.
Театр за рубежом. Сборник. I. Театр стран народной демократии. «Искусство», 298 стр. 3 000 экз. 16 руб. 70 коп.
Театр и жизнь. Сборник театрально-критических статей. «Искусство», 264 стр. 4 000 экз. 18 руб. 50 коп.
Холодковский В. Дом в Клину. Очерк жизни и творчества П. И. Чайковского. «Московский рабочий», 336 стр. 20 000 экз. 8 руб. 30 коп.
Ковалев Р. Александр Домогатов. «Искусство», 193 стр. 10 000 экз. 10 руб. 50 коп.
Холодковский В. Дом в Клину. Очерк жизни и творчества П. И. Чайковского. «Московский рабочий», 336 стр. 20 000 экз. 8 руб. 30 коп.

Выставка греческой гравюры

Выставка современной греческой гравюры, открывшаяся в залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, привлекает внимание ясно выраженным национальным своеобразием, оригинальностью тематики, высоким уровнем мастерства.

Прежде всего хочется сказать о гравюрах на дереве художника А. Тассоса. Они посвящены о быте, суровом труде рыбаков и земледельцев. Ритм его композиций подчеркивает строгие мужественные и твердые линии — сельских рабочих, пастухов. Острая наблюдательность и экспрессия характеризуют работы художницы Вассо Катраки. Глубокий драматизм насыщены ее гравюры из антикварной серии «Матери».

В лучших произведениях греческих художников ощущаются черты национальной художественной традиции. Чувствуется, что они глубоко впитали в себя очарования от величественных памятников древней Эллады.

Гравюры на дереве, на меди, на камне — 85 работ девяти художников представлены на этой выставке.

На фото: гравюры А. Тассоса «Слуга в таверне» и «Рыбак».

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Без тепличных условий!

ПЯТЬ лет назад на III съезде советских писателей был отмечен слабый количественный рост литературной сцены. На четвертом съезде говорилось уже о другом — о том, куда и как растет пришедшая в литературу молодежь. Такое различие в постановке вопроса знаменательно и отражает положение дела не только у нас, в Эстонии. Мы читали отчеты с республиканских съездов в «Литературной газете»: в других писательских организациях, оказывается, тоже самое. Не случайно, что на Третьем всеозначимом съезде писателей вопрос о воспитании молодых был одним из центральных. Молодые литераторы, можно сказать, не успели выступить на самом съезде. Поэтому есть смысл продолжать разговор в печати...

«Надо внимательно, заблаговременно относиться к творчеству молодежи, — призывает писателей Н. С. Хрущев. — Без приточки молодых творческих сил не будет расти литература в целом. Молодежь — это наша смена». Слова — очень радостные для нас, молодых, и очень обязывающие нас.

Самой собой понятно, что трудолюбие, патриотизм, хороший эстетический вкус — все эти лучшие качества советской молодежи — должны быть присущи и писательской молодежи. Мы не собираемся закрывать глаза на то, что среди нас есть и сорняки, не желающие заниматься трудом, который требует пота, есть неженки, возвращенные в домашние теплички, есть люди, считающие нейлоновой рубашкой высшим критерием культуры. Что влечет таких людей к литературе? Прежде всего возможность «выдвинуться» (быть «обыкновенным» Фил!), видимость «легкости» и «вольности» литературного труда (терпеть трудовую дисциплину? Набивать мозоли на ладонях? Поинтересуйтесь!), и, наконец, жаждущая докопаться до литературного дела — тоже очень существенное обстоятельство для таких людей. К несчастью, люди, беспечно творческие, иногда оказываются зарожившими имитаторами литературы. В том, что такие «спутники» к литературе имеют, — не вина настоящей писательской молодежи. Но «проблему молодых» все это несколько усложняет.

Мне кажется, что усложняет ее и другое (по крайней мере у нас, в Эстонии). Под рубрику «молодых» иногда попадают авторы, которые пишут уже второе или третье десятилетие, но уровень творчества которых все еще остается весьма низким. Не пора ли перестать путать понятия «молодой автор» и «старый неудачник», которые иногда в жизни становятся чуть ли не синонимами?

Приняв две эти поправки относительно

Вяно ИЛУС

Стоит ли искать в небольших заработках начинающих писателей причину медленного развития их талантов? Нет, не стоит! Если бы каждый «полюющий надежды» автор, с начала творческой биографии «освобожденный» от житейских нужд, смог сесть за письменный стол в отдельной квартире, в тепле и уют, то едва ли результаты были бы такими, каких мы ждем. По-моему, не надо приравнивать литературно одаренных молодых людей к каким-то особым, редкостным растениям, для которых надо создавать микроклимат. Скорее наоборот...

Не забудем важную сторону дела: саторный образ жизни очень благоприятствует распространению иживнических, барских представлений об «исключительности» своей личности. Рассказывают, что Юхан Сюттес, будущий уже широко известным поэтом, получил когда-то, в буржуазной Эстонии, за целый сборник стихов гонимый, который он намеревался издать на новый галстук. Конечно, такое положение вещей трагично, оно говорит о странной судьбе культуры в буржуазном обществе. Но если сейчас кое-кто из молодых людей порой жалуются, что гонимый через черную дыру и из-за этого нельзя, мол, работать в полную силу, — такие сетования мне кажутся по меньшей мере странными.

И еще один «большой» вопрос. Раздаются жалобы на то, что, мол, слишком трудно молодым выходить в печать, что «ворота узки». Признаемся: иным из нас, молодых, не легко отказаться от этой удобной мысли: не затрагивая своей личности, объяснять неудачу тем, что тебя «затирают», «не дают ходу» и так далее. Надо бороться за быстрое издание хороших книг молодых авторов. Но даже если рукописи молодого автора и задерживаются в издательстве или в редакции (что, конечно, очень плохо), разве настоящий литератор прекратит работу над новыми вещами? Неужели он только и будет хныкать, ожидая выхода книги, чтобы подать в Союз писателей? И уверяю, что никакие волокиты не способны на сколько-нибудь длительный срок спрятать от читателя истинное дарование.

Много говорилось и писалось о том, что молодым писателям надо изучать жизнь. Но мне кажется, что слишком редко задумываемся мы, молодые, над тем, что точное следование этому совету — залог плодотворности нашего творчества. На Третьем всеозначимом съезде молодых писателей в 1956 году я встретил Леонида Пасенюка. Он говорил тогда, что собирается поехать на восток, посмотреть, «что там делается». И, очевидно, собрался: его повесть «Отряд ищет алмазы» всем запомнилась. Зато иные повести молодых авторов быстро забываются, хотя написаны и не без профессионально-литературных навыков. Им не хватает в первую очередь своего собственного жизненного материала.

Ясно, что «узнавать» жизнь не только за нас не станет. Главной опорой и здесь должно быть чувство ответственности, требовательности к себе, к своему творчеству.

ТАЛЛИН

У талантливых писателей, которые иногда в жизни становятся чуть ли не синонимами? Приняв две эти поправки относительно

КИЕВ, УЛИЦА КИРОВА, 9

Участники юбилейного пленума ЦК ЛКСМУ, посвященного сороклетию комсомола Украины, молодежи и пионеры Киева собрались у дома № 9 по улице Кирова. Здесь жил один из первых комсомольских вожakov на Украине, секретарь ЦК

ЛКСМУ, писатель, редактор ЦК ЛКСМУ В. Дрозденко, кандидат экономических наук П. Рудой, поэт Платон Воронько, слесарь железнодорожного депо, где работал Александр Бойченко, — А. Авдейко.

На митинге, посвященном открытию мемориальной доски, выступил секретарь ЦК ЛКСМУ В. Дрозденко, кандидат экономических наук П. Рудой, поэт Платон Воронько, слесарь железнодорожного депо, где работал Александр Бойченко, — А. Авдейко.

В митинге, посвященном открытию мемориальной доски, выступил секретарь ЦК ЛКСМУ В. Дрозденко, кандидат экономических наук П. Рудой, поэт Платон Воронько, слесарь железнодорожного депо, где работал Александр Бойченко, — А. Авдейко.

Киев. (Наш корресп.)

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

СЛОВА, ИДУЩИЕ ОТ СЕРДЦА...

Никита Сергеевич Хрущев в речи на Третьем всеозначимом съезде писателей прочитал стихотворение своего друга юности рабочего Пантелея Махина, напечатанное в журнале «Прикубанские степи».

Где, когда и кем он издавался, этот журнал? Накова была его программа? Недавно газета «Советская Кубань» напечатала статью Г. Пантинга, посвященную истории этого боевого пролетарского издания. Журнал «Прикубанские степи» издавался в Екатеринодаре (ныне г. Краснодар) в 1915—1917 годах. Его организатором и редактором-издателем был большевик, кузнец Митрофан Карпович Седина. Революционное издание, журнал, во главе которого собирались молодые литераторы, посвящавшие свое творчество делу освобождения рабочего класса, быстро сделало его одним из популярных изданий на юге и во многих других промышленных центрах России.

Полный комплект журнала «Прикубанские степи» стал библиографической редкостью. Даже Государственная библиотека СССР имени Ленина в Москве не имеет всех номеров.

На одной из улиц Краснодара проживает ныне персональный пенсионер Василий Григорьевич Скрыпник, член КПСС с 1919 года, в прошлом кузнец, работавший некогда вместе с редактором «Прикубанских степей» М. К. Сединым. У него бережно хранится комплект «Прикубанских степей» из 27 книжек и двух приложений к ним — письмо М. К. Седины «В деревне» и «Породе».

Позднее, во время страницы содержания для советского читателя много важных фактов из жизни русского рабочего класса предреволюционной поры, а также из истории зарожде-

ния пролетарской революционной литературы. Первый номер «Прикубанских степей» вышел 15 ноября 1915 года. Чтобы обойти цензурные преграды, редакторы сделали его «нейтральным». Но уже в следующем номере, датированном 20 января 1916 года, было напечатано объявление:

«Со второго номера журнал «Прикубанские степи» выходит при участии совершенно нового состава сотрудников и ничего общего, кроме названия и юридического редактора, с предыдущим номером не имеет».

В передовой «Ито» издатели заявили, что «жизнь рабочего класса во всех проявлениях будет находить в нашем журнале самое полное и всестороннее освещение, если, конечно, мы не встретим слишком высоких барьеров».

Программа журнала заключалась в том, чтобы политически развивать классовое сознание и спланивать рабочий «в самостоятельную политическую силу, которой только и суждено будет привести пролетариат к лучшему будущему». Эту линию издатели, редакторы и авторы журнала вели с неколебимой твердостью. Из номера в номер в «Прикубанских степях» публиковались статьи, заметки, письма, в которых шла речь о материальных условиях труда на заводах, шахтах, фабриках капиталистической России, о бесконечных притеснениях, самоуправстве хозяев, мучительных штрафах, полуголодной жизни.

В № 14 журнала, вышедшем 3 августа 1916 года, опубликовано письмо о диком положении, царившем на заводе С. Д. Семенова. Автор письма сообщал, что на предприятии в категоричных условиях работают женщины и девушки. Автор письма прямо связывал

задачи политической борьбы рабочих с развитием, как он выразился, рабочей литературы.

«...В единении сила и залог нашей дорогой осмысленной жизни, — писал он. — Читайте и распространяйте свою рабочую литературу и поддержкой своей создавайте свою могучую прессу».

Царские власти, разумеется, глаз не спускали с подозрительного журнала. Но они считали цензурные запреты и штрафы. Полиция ревностно уничтожала отдельные номера, запрещала на определенные сроки крамольное издание, арестовывала его редактора М. К. Седина. Василий Григорьевич Скрыпник рассказывал, как однажды ему пришлось вырывать редактора. Он обошел рабочих, интеллигентов, поддерживавших журнал, и собрал сумму, необходимую для уплаты очередного требуемого полицией штрафа...

Журнал охотно печатал рассказы, стихи, очерки молодых рабочих-литераторов. В их произведениях пылало жаркое сердце бойцов, готовых вступить в революционный бой и веривших в грядущую победу. В одной из книжек журнала было, например, опубликовано стихотворение начинающего поэта Б. Корнеева, которое заканчивалось так:

Мой друг и брат — рабочий, Идем вперед, вперед! Из мрака и удушья Нас новый мир зовет.

«Прикубанские степи» выписывали и читали рабочие Москвы, Киева, Ростова-на-Дону, Парижа. Больше и прочие связи были у журнала, а в довершение к этому, в последние годы жизни автора газета «Социалистический Донбасс» (г. Сталино) опубликовала инте-

ресную статью «Прикубанские степи» и доносиле шахтеры». В ней рассказано о том, как сорок с лишним лет назад шахтеры, металлурги, труженики Донбасса внимательно следили за этим журналом, как на его страницах писали о своей многотрудной жизни, как помогали трудовыми копейками изданью журнала, всегда поддерживая его в тяжкие времена полицейского разгрома.

«Социалистический Донбасс» перепечатал из старых номеров дореволюционного рабочего журнала стихи своего «Донецкого Барда» (интересно было бы попытаться установить подлинную фамилию этого автора, равно, как и вообще было бы ценно восстановить творческую биографию наиболее талантливых рабочих-литераторов «Прикубанских степей»). Одно из стихотворений «Донецкого Барда», работавшего, как указано, на Щербинском руднике, называлось «Не грусти». Поэт говорит с другом о невыносимой доле шахтера, вынужденного работать на хозяйка, о грустных песнях, которые лились из груди, о горе и печали горняцкой жизни в царской России. И все же «Бард» был оптимистом. Он твердо верил, что наступит прекрасный день. Он писал:

Скоро в шахте луч света рабочий Встретит с радостным, светлым лицом, И тогда-то свободней и громче Мы подземному песню споём.

Как пророчески звучат сегодня наши слова: более сорока лет назад слова рабочих поэтов, предвещавших победу социалистической революции в нашей стране, слова, как сказал товарищ Н. С. Хрущев, идущие от сердца.

КАНЦЛЕР «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

С ОВсем недавно Конрад Аденауэра величали «ледяным канцлером». Это звучало весело, решительно, — кое-кому казалось, что даже грозно, — напоминало о названии «железный канцлер». Среди западных журналистов находились и такие, которые сравнивали Аденауэра с Бисмарком! Но времена изменились. Новые эпитеты не ласкают ни слух, ни самолюбие того, к кому они относятся.

Лондонский «Экономист», не скрывая пренебрежительного отношения к федеральному канцлеру, заявляет, что Германия необходима, наконец, иметь «ответственное» правительство... Западногерманская газета «Ней Рейнштейн» называет Аденауэра «канцлером без престижа». Она пишет: «Канцлер без престижа и без доверия может быть канцлером временно. Он — канцлер, которого хотя и нельзя свергнуть путем воуа нуверия, однако он постепенно будет идти ко дну в водовороте начинающегося ныне развития недоверия».

Что же произошло? Почему после десяти лет пребывания на посту главы боннского правительства в течение двух-трех месяцев Аденауэр превратился из «великого канцлера», «почти Бисмарка», в «расерженного и разочаровавшегося старика», в «упрямца», не желающего считаться с волей и желаниями даже своей собственной партии? Как случился, что от престижа федерального канцлера, который сейчас тщетно пытаются восстановить он сам и его «соратники» по руководству партии ХДС — ХСС, осталось одно жалкое воспоминание?

Ход событий таков. Первый удар по престижу Аденауэра нанесла его собственная партия, предложив в апреле выдвинуть его кандидатуру на пост президента. Это было явной неожиданностью для Аденауэра. Он дал согласие, но дал его неохотно. Весть об уходе Аденауэра с поста федерального канцлера была встречена с величайшим удовлетворением всей мировой общественностью и в первую очередь общественностью Западной Германии.

Сообщение о предстоящей отставке Аденауэра вызвало поток комментариев и рассуждений на тему о том, кто сменит его на посту федерального канцлера. Собственно говоря, речь шла лишь о двух кандидатах — министре финансов Этелье, которого вся печать характеризовала как выученца и послушного исполнителя воли Аденауэра, и министре хозяйства Эрхарде, взгляды которого в

ВОЙНЫ»

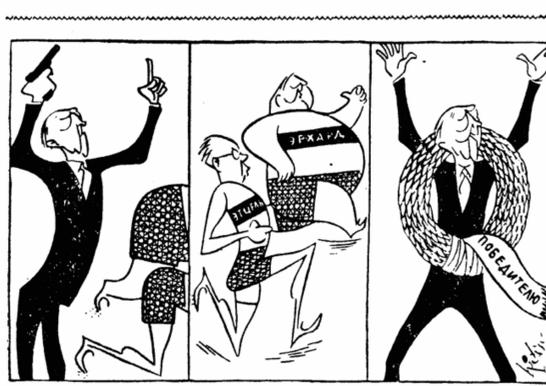
ряде вопросов не совпадают с точкой зрения нынешнего федерального канцлера. Аденауэр был против кандидатуры Эрхарда и хотел бы видеть своим преемником Этелье. Тем не менее все как будто шло к тому, что победит Эрхард.

Эрхард даже предпринял поездку в Вашингтон, Канника, а ось Бонн—Вашингтон существует, и канцляту в канцлеры явно надо было «произвести впечатление» в правящих кругах США. 4 июня, как раз во время пребывания Эрхарда в Вашингтоне, Аденауэр возразил свою «бомбу». Он заявил, что он передуал и остается на посту федерального канцлера. Это решение вызвало подлинную бурю в политических кругах Западной Германии. Оно подверглось резкой критике и в кругах возглавляемой Аденауэром партии. Дело дошло до резких столкновений между Аденауэром и его сторонниками, с одной стороны, и остальными членами руководства ХДС, с другой. Были приложены все усилия, чтобы добиться «примирения» между Аденауэром и Эрхардом. Но, судя по всему, примирение не состоялось, и кризис вспыхнул с новой силой.

Перспектива отставки Аденауэра обрадовала широкую общественность всех стран, но она явно испугала определенные круги в Вашингтоне и в Париже. Как утверждает американский обозреватель Уолтер Липман, Вашингтон не устраняет кандидатуру Эрхарда. Вряд ли она отвечает и желанию Парижа.

Программа Эрхарда, судя по его высказываниям, означала бы крутой поворот в западногерманской политике, поворот к мирному сосуществованию. Но такая программа означала бы ликвидацию оси Бонн—Париж, ухудшение англо-американских отношений. Но дело не только в этом: судя по высказываниям западногерманской печати, в деловых кругах ФРГ все больше склоняются к тому, что Западной Германии должна придерживаться самостоятельную, а не связанную с Западом политику. И если теперь в западногерманской печати появляется имя Бисмарка, то лишь для противопоставления политики «железного канцлера» политике «ледяного канцлера».

Да и смешно сравнивать Аденауэра с «железным канцлером». Общего у них разве что только реакционность. Но Бис-

марк, при всей своей реакционности, понимал развитие исторического процесса; недаром он вошел в историю, как объединитель Германии, искусный дипломат, умевший трезво смотреть на вещи. Сепаратист в прошлом, политик третьего ранга, Аденауэр, несомненно, войдет в историю как один из главных виновников раскола Германии, как непримиримый противник ее объединения на мирной, демократической основе. С именем Аденауэра связаны превращения Западной Германии в милитаристское государство, возрождение германского ревизионизма, политический курс, чреватый угрозой непоправимой национальной катастрофы.

Бисмарк утверждал, что политика — это наука о возможном. Аденауэр хочет доказать, что политика — это наука о невозможном. Вкупе с другими ревизионистами «холодной войны» и проповедниками политики «позиции силы» он держит курс на то, чтобы вернуть историю вспять. Надо ли удивляться, что история жестоко мстит за себя?

Аденауэр остался в должности федерального канцлера, чтобы спасти гибнущее дело «холодной войны». Верный своему «долгу», престарелый канцлер, не успев даже толком утихомирить своих партнеров по партии, уже бросился в бой. Он поспешил выступить с рядом заявлений по поводу женевских переговоров. Он категорически против переговоров между двумя германскими государствами. Он за непримиримую «жесткую» политику Запада. Коротко говоря, он за все то, что может если не сорвать, то хотя бы помешать успеху переговоров. Сейчас, воспользовавшись перерывом в женевских переговорах, Аденауэр и его клеветы затеяли новую провокацию. Выборы нового президента ФРГ они намерены провести в Западной Берлине, который, как признает западногерманская газета «Генерал-антэйгер», «государственно-правовой точки зрения не принадлежит Федеративной Республике».

Аденауэр старается изо всех сил. Он не жалеет усилий, чтобы выслушаться перед своими покровителями. Но в своем увещании он явно не замечает, что его победа — это Пиррова победа.

Аденауэр — канцлер без престижа. И не только потому, что он не пользуется доверием народа, не пользуется доверием даже в своей партии. Он канцлер без престижа, ибо тактика «холодной войны», которой он столь ревниво предан. Выступая 14 июня в Мюнхене на съезде христианско-социального союза и «разъясняя», как он решил пойти на такой скандальный шаг, как перемена принятого решения, Аденауэр ничинно заявил: «Толстая кожа — это тоже дар божий».

Ну что же! Аденауэр вправе утешать себя тем, что если он утратил престиж, то толстая кожа остается при нем. Она ему, безусловно, пригодится...

Я. ВИКТОРОВ

Неожиданный финиш

благодаря чудесам фототехники значительно моложе своих лет. Но это 83-летний канцлер Аденауэр. Таким театральным жестом он пытается доказать, что, «положа руку на сердце», ему ничего не оставалось как изменить свое прежнее решение об уходе с поста главы правительства ФРГ и остаться канцлером. «Такое уж трудное международное положение. Душой бы рад уйти, да не могу. Истинный крест...»

В том же номере газеты «Вельт ам зоннтаг», где помещен первый снимок, напечатана карикатура. Рисунок первый: Аденауэр дает старт двум своим возможным преемникам. Рисунок второй: на дистанции Эрхард и Этелье. Кто окажется победителем? И, наконец, рисунок третий: неожиданный финиш. Победитель — сам Аденауэр...

Нет ничего удивительного, что Эрхард под напором вопросов корреспондентов, спрашивающих, что он думает о таком поведении Аденауэра, поднял руки вверх (фото из газеты «Ди вельт»). От Аденауэра, мол, всего ожидать можно.

Человек, изображенный на снимке слева, выглядит

КНИЖНАЯ ПОЛКА ЗАРУБЕЖНЫХ НОВИНОК

Поколение равнодушных

РОМАН из университетской жизни, которым дебютировал начинающий американский писатель Ричард Фред. — «Подъезд Е» привлекает к себе внимание смелой постановкой насущных вопросов, касающихся настроения и образа жизни студенческой молодежи США.

Действие романа связано с «чрезвычайным происшествием»: группа студентов, опов алкоголем и наркотиками свою жизнь, несовершеннолетнюю Диану-Сью, сообща насилует ее. О случившемся тотчас же узнает все общество, так как участники пьяной оргии спешат похвастаться своим «подвигом». Спасая репутацию университета, администрация незамедлительно исключает всех участников грязного дела.

Частный случай, описанный в романе, служит автором поводом для более широких обобщений и раздумий.

Особо занимают и волнуют автора характер и поведение главного героя — Эда Богарда, студента архитектурного отделения. Этот образ писатель воспринимает как тревожное знамение времени.

Юноша способный и честный, Эд Богард пронзительнее многих судит об окружающей его среде. Ему удалось опровергнуть и несведомое тупое веселье выходных дней, и будничная рутинная университетского преподавания, не освещенного никакой общей идеей. Его тяготит автоматизм жизни, основанной на стандартах респектабельности и коммерческого успеха. «Телевидение, Радио, Романы, Родители... Тебя множество раз предостерегали от всего, чего не надо делать, и ты поступаешь так, как тебе было предписано, не будучи уверен в том, что так нужно, но не задавая себе на этот счет никаких вопросов. Ты до того послушался этих предостережений, что они сопровождают тебя даже тогда, когда ни никто не повторяет вслух: тебе обеспечена на всю жизнь великолепная непогрешимострицационная реакция на любой возбуждающий стимул». Так, про себя, размышляет Богард, и ему кажется, что он сам уже стал не более как автоматом, «организмом, который функционирует согласно тому, что ему сказано, а не в соответствии со своими чувствами и мыслями». А если так, то в чем же различие между мыслящим человеком и дрессированной мартишкой? — с горечью спрашивает он самого себя.

Но, эго иронизируя в глубине души над этим мертвящим автоматизмом существования, где все заповеди говорят лишь о том, чего «не делать», и где нет места ни живой мысли, ни большому целеустремленному делу, Богард все же не в силах вырваться из этого болота. Ему скучен традиционный ритуал субботних и воскресных попойек, азартных игр и случайных встреч. Его не прельщает флирт с девушками, копирующими, как манекены, повадки модных кинозвезд, и он не может забавляться так, как его приятель Дуосон, который с садистским упрямством целыми часами напролет швыряет ножи в повешенный на двери комнаты плакат с изображением полураздетой красавицы в натуральную величину, стараясь до расפורть ей живот, то угодить в лицо.

Но, помянувшись над своими товарищами, Богард все же разделяет их убогие развлечения и отдаст своим занятиям ровно столько времени и труда, сколько нужно, чтобы перейти с курса на курс. Споря сам с собой, он старается оправдать это инертное, автоматическое, бессильное существование. «Не нужно эмоций», — говорит он себе. — Не надо поддаваться чувству, — объясняет себе. — Ведь эмоции — это открытые раны, и каждый как угодно может их расцарапать. Лучше — ни во что не ввязываться... Эмоции — лишняя нагрузка, опасная нагрузка. Без них человеку свободнее; и безопаснее... Иногда его охватывает стихийное чувство неполноценности этого выхолощенного, нечеловечески-механизированного бытия. С реальностью отчуждения он «ощущает потерю чего-то такого, что не должно было исчезнуть, отнятого у него обманом, но нерушимо принадлежавшего ему». Но он сам глушит в себе этот голос протестующей человечности. «Он перевернулся и лег, уткнувшись лицом в подушку, так, чтобы глаза перестали видеть, а мозг перестал мыслить», — этот красноречивый жест выдает желанного героя книги спрятавшись от действительности, уйти от ее насущных неотступных вопросов.

«Entry E». R. Frede. New-York. 1958.

Но жизнь пробивает брешь в этой крепости эгоцентризма.

Решающий перелом в судьбе Богарда совпадает с гнусной оргией, очевидцем которой он случайно оказывается. Обдуманное издевательство, жертвой которого становится жалкая, глупенькая Диана-Сью, возмущает его до глубины души, заставляя, наконец, выйти из своего оцепенения. Поставленный перед проблемой выбора, Богард выбирает о призывом ему «безопасности» приници неумелательства и пытается остановить совершающееся рядом, в соседней комнате, мерзкое преступление. Его попытка, однако, обречена на неудачу. Кодекс студенческого товарищества не позволяет ему вызвать полицию. В драке беснующиеся молодые люди одерживают над ним верх. А в хмельных компаниях соубытничков, расположившихся на разных этажах общежития, Богарду не удается найти никого, кто бы согласился прийти к нему на помощь.

В финале романа Богард на распутье. Университетское начальство исключает его как «соучастника» вместе с действительными виновниками преступления. Его дальнейшая судьба неизвестна. Но ясно одно, что в момент решающего столкновения с требованиями жизни человеческое начало одержало в нем верх над тупым автоматизмом той мещанской морали самосохранения и «невмешательства», которая так усердно внушалась ему со школьной скамьи.

В романе Фреда много остается недосказанным и нераскрытым. Это предвидение всего относится к вопросу об иных жизненных возможностях и перспективах, какие могут открыться Богарду и его сверстникам, если они решат поправить с уродливой эгоцентрической моралью «счастливой линейки» и из «дрессированных мартишек» стать настоящими людьми. Но ходу действия Эд Богард вспоминает о своем прежнем друге Поле Кайфе, от которого он впервые услышал необычные слова о необходимости смотреть в лицо жизни, знать, ради чего существуешь, решать, какой путь ты выбираешь, какой путь ты выбираешь в своем особенном мире, где все еще совершаются большие дела, где люди мечтают и осуществляют свои мечты, где Байрона читают как современника, комментирующего нашу эпоху, — в мире, где нет пустоты. Однако эта важная тема не получает развития в романе.

Но Ричарду Фреду удалось привлечь внимание читателей к большому вопросу, связанному с судьбами молодежи США, разрастающейся и уродливой коммерческими стандартами «американского образа жизни».

«Подъезд Е» воинно показывает духовную опустошенность подрастающего поколения — «поколения равнодушных», как выразительно характеризует его один из персонажей Фреда — декан факультета в заключительной беседе с Богардом. И вместе с тем образ Богарда, пережитые им колебания и душевный перелом показывают, что автору хотелось бы, чтобы этот приво- говор оказался не окончательным и чтобы его герой и его сверстники нашли для себя достойное место в жизни. Еще трудно судить о том, в каком направлении развернется писательское дарование начинающего романиста. Но тревога за будущее американской молодежи, пронизывающая его первую книгу, свидетельствует о том, что драйзеровская тема — тема Клайдов Грффитсов и Стюартов Барнсов, духовно искалеченных и погубленных капиталистическим обществом, продолжает жить в литературе США.

А. ЕЛИСТРАТОВА

СТАРЫЕ КНИГИ ПОКУПАЕТ КНИЖНАЯ ПОЛКА ПИСАТЕЛЯ (Москва, К-131, Кузнецкий мост, 18) Книжная лавка приобретает коллекцию книг, старые издания, рукописи XVIII—XIX вв., книги с авторграфами, различные художественные издания, сочинения русских и иностранных писателей, а также книги по искусству, истории, литературоведению, поэтике. Книги производятся ежедневно. Выходной день — понедельник. Телефон Б 1-22-98.

О нравах попугаев

У НАС, В ГОРОДЕ небоскребов, подчас бывает жарче, чем в аду, и сегодня именно такой день. Асфальт плавится, исходящий от него жар закручивает воздух горячими спиралями, и даже голубы в сквере так размолели, что, кажется, прежде чем на них не наступит, они не соблаговолит взмахнуть крыльями и перелететь в более безопасное место. В такой день трудно работать. Размышляя о том, как тяжела жизнь, когда ты обязан трудиться при невыносимой духоте, я зашел в сквер и увидел картину, которая помогла мне забыть о зное. Крошечный попугайчик с радужно-пестрым опереньем — голубым, зеленым и золотистым — весело прыгал среди больших голубей, видимо, посчитав себя одним из них. (Сейчас в Нью-Йорке пошла мода на попугая, я тоже завел себе одного. Когда просовываешь руку в клетку, чтобы задать корму, попугайчик проскальзывает между пальцев, устремляется к окну — а в такую жару все окна раскрыты настежь — и взмывает в ярко-синее небо. Вот и этот, в сквере, наверное, радуется, что улетел на свободу). Толпа любопытных окружила попугайчика. Он был раз в пять меньше наших голубей, но двигался так же, как и они, — то прогнутаlessly степенно и важно, то вдруг бежал вприпрыжку, словом, изо всех сил старался походить на голубей. Когда они пили воду из бассейна, он подсматривал одним глазом — так ли он все делает, как они?

Люди при виде этой забавной картины смеялись, но одна старушка серьезно сказала мне: «А сколько на свете таких же попугаев, что лезут вон из кожи, лишь бы смахнуть на голубев?». Слова ее вскоре подтвердились. На работе я просматривал прессу. Водушка нью-йоркская газета поместила под броским заголовком сообщение о последнем решении Верховного суда. Надо заметить, что наш Верховный суд — это синклит обласканных в черные мантии главных юристов, — который является высшим судебным органом, называет себя защитником прав и гражданских свобод нашей нации, несущим стражем свободы. Власти США провозгласили его самым демократическим судебным органом в мире. Но вот какое он принял решение: инквизиторы из комиссии по расследованию антиамериканской деятельности имеют право и вправе допрашивать любого гражданина и возбуждать против него преследование таким же точно методом, который сделал покойного сенатора Джозефа Маккарти достойным потомком Торквемады. Эх, попугай, как демократически — ни распуская ты перья, все равно попугаем и останемся!

Продолжая перелистывать газеты, я дошел до единственного в Нью-Йорке либерального органа. Газета эта провозгласила своим «кредо» смелую защиту демократии, и за это я ее уважаю. Однако она страдает болезнью, свойственной многим либералам, — панически боится коммунизма и предпочитает лучше пойти на «мировую» с самой махровой реакцией, чем попытаться понять марксистов. Поэтому я грустно усмехнулся, увидев на первой странице крупный, броский заголовок, гласивший, что пианист Либерейс (одна из «звезд» нашего телевидения) заявил в лондонском суде, что он не является гомосексуалистом. Подумать только, именно в тот день, когда Верховный суд США опубликовал решение, под-

рышающее наши геркулесовы столпы — нашу американскую конституцию, либеральная газета самой актуальной номер избрала злоключения Либерейса!

Ей-богу, я ничего не имею против этой «звезды», хотя Либерейс и выступил с программой, в которой подвизывались Шопен и другие великие мастера; но сейчас он утверждает, что не является гомосексуалистом, и я рад за него. И все же, по моему, достойно сожаления, что либеральная газета сочла уместным уделить основное внимание бедам Либерейса именно в тот день, когда Верховный суд США столь успешно подкапал под основы свободы. Неужели эта газета полагает, что топор палача-инквизитора пощадит ее только потому, что она либеральная, а не марксистская? Ведь аппетит коршуна не уменьшится, какую бы он ни схватил добычу — попугая или голуба.

Пропутешествовав таким манером с первой страницы до сорок первой, — а это путешествие может быть столь же опасным, как плавание по бурному морю, — я обнаружил еще несколько подводных рифов и мелей. Я узнал, например, что управляющий парками нашего города Роберт Мозес по-прежнему не разрешает показывать бесплатно в Центральном парке пьесы Шекспира. Он поставил себе целью: во что бы то ни стало запретить рядовым жителям Нью-Йорка наслаждаться творениями Шекспира, не платя за это званкой монетой. Если бы так повел себя некоторые отцы города, меня бы это нисколько не удивило. Но то, что запрет исходит именно от Мозеса, поразительно. Ведь он сам подписывает статьи в «Нью-Йорк таймс» и обладает художественной жилкой. Он любит цитировать Аристофана, знает Овидия, может с одинаковой легкостью рассказать вам о святом Фоме Аквинском, поговорить о Декарте, Спинозе и Гоббсе.

ЗАБАВЫ ФИЛАНТРОПОВ

«ЗЛОРЕЧИЕ — бессмертная дочь Чванства и Праздности», — сказал однажды Вольтер. Сегодня слова великого француза вновь наглядно подтвердились: юродствующий сноб посягнул на память самого Вольтера.

В Париже недавно состоялся традиционный «Бал маленьких белых кроваток», ежегодно устраиваемый светскими кругами с «благородительной» целью. Изрядно кутуза на балу, министры, банкиры, богатые промышленники и прочие «знаменитости» уходят домой с твердым убеждением, что они облагодетельствовали человечество. Это, был самым рациональным, но вместе с тем самым бесплодным и ошибочным не только во Франции, но и

стенчиво эксплуатировать трудящихся».

Ныне «филантропический» бал стал ареной злоречивых выпадов против... Вольтера. На сцене зала, в котором топились расфранченные посетители, был установлен великий мыслитель. Прямо над ним в воздухе висела огромная клетка с живым носорогом, удерживаемая подъемным краном. Наконец, на сцене появился модный художник, корифей звуковой живописи Сальвадор Дали и разразился бурной филиппикой по адресу Вольтера. «Образ мыслей знаменитого господина Вольтера, — разглагольствовал Дали, — был самым рациональным, но вместе с тем самым бесплодным и ошибочным не только во Франции, но и

во всем мире. Вольтер, — удрученно сетовал Дали, — не верил ни в ангелов, ни в архангелов, ни в алхимию...»

«Раздавшись» с Вольтером, Дали обратил свой взор на... носорога. Глядя, как животное уныло топчется в клетке, он воскликнул: «Носорог — прямая противоположность Вольтеру... Носорог — олицетворение инстинктивной «философии силы». И заключил: «Носорог — выше Вольтера! По знаку, поданному Дали, клетка с носорогом была опущена на сцену и раздвинула скульптуру...»

Спрашивается, для чего понадобилась постыдная комедия глумления над памятью Вольтера в момент, когда прогрессивная литературная общественность Парижа отмечала двухсотлетие первого издания «Кандида»? Очевидно, устроители бала вместе с юродствующими «художниками» пытались дискредитировать человеческий Разум, блистательного олицетворением которого был Вольтер. Насколько легче было бы «максимализм» управлять народом, лишенным Разума, разувверившимся в его могущество...»

Но, как сказал Вольтер, «сплошь и рядом, что бы ни говорили, плут на поприще оказывается просто глупцом».

Рис. Н. Лисогорского

Художники-карикатуристы о Женевском совещании В ЖЕНЕВЕ ОБЪЯВЛЕН ПЕРЕРЫВ...

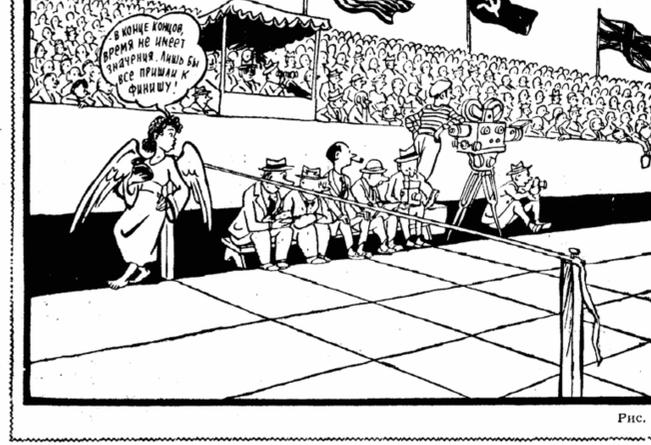

Рис. М. Семенова